

УДК 303+330(571.6)

**Антропология и экономика:
возможные направления взаимодействия**

11 февраля в Институте экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) в рамках серии круглых столов, организуемых редакцией журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования", состоялся научно-методологический семинар "Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия". С сообщениями выступили доктор филос. наук Л. Е. Бляхер ("Концепция Дж. Скотта как методология исследования социально-экономического ландшафта Приамурья") и канд. ист. наук Я. А. Барбенко ("Особенности дальневосточного крестьянства в свете концепций "моральной экономики" и "оружия слабых" Дж. Скотта").

Демьяненко А. Н.: Коллеги, приветствую вас на семинаре! Прежде чем слово возьмут докладчики, позволю себе сориентировать нашу работу. Для начала зафиксируем: нас интересует не антропология, представляющая собой конгломерат дисциплин, исследующих поведение человеческих сообществ, а область экономической антропологии, описывающей и объясняющей поведение человеческих сообществ (и экономических агентов) прежде всего в социокультурной среде.

Так как в качестве отправной точки один из наших докладчиков взял концепцию Зомии, то я выкажу некоторые суждения относительно и этой концепции, и возможностей использования подходов к исследованию пространственных социально-экономических систем, сложившихся в экономической антропологии. Отмечу, что и концепт Зомии, и проблемы взаимоотношения приамурского крестьянства с государством в ходе освоения Дальнего Востока не чужды участникам семинара [5; 6; 10].

Для меня "Зомия" это не только "крупнейший из сохранившихся на Земле регионов, чьи народы до сих пор не были поглощены национальными государствами" [17, с. 9], но и концепт, который предоставляет а) возможности выявить и описать факторы формирования пространственных систем вне государственного контроля [17, с. 55], б) инструментарий исследования экономического поведения, неформальных организаций, функционирующих в специфических природных ландшафтах. Отличительными свойствами пространственных систем типа "Зомии" являются: а) нахождение их вне преде-

© Бляхер Л. Е., Барбенко Я. А., Демьяненко А. Н., Журавская Т. Н., Минакир П. А., Рыжова Н. П., 2020

БЛЯХЕР Леонид Ефимович, д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). **E-mail:** Leonid743342@mail.ru

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** prohist@ya.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д-р геогр. наук, руководитель сектора проблем развития и функционирования территориальных экономических систем Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** demyankenko@ecrin.ru

ЖУРАВСКАЯ Татьяна Николаевна, канд. социол. наук, доцент Академического департамента Дальневосточного федерального университета, научный сотрудник Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** wellshy@mail.ru

МИНАКИР Павел Александрович, д-р экон. наук, академик РАН, научный руководитель Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** minakir@ecrin.ru

РЫЖОВА Наталья Петровна, д-р экон. наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** n.p.ryzhova@gmail.com

лов государства, большие группы населения уходят от политического влияния государств и в то же время ведут активную и взаимовыгодную торговлю с контрагентами в сопредельных государствах; б) высокий уровень мобильности населения, различного в культурном отношении, сопровождается подвижностью и проницаемостью границ; в) мозаичность и труднодоступность природных ландшафтов, что с разнообразием культур обуславливает формирование обширного спектра хозяйственных практик, которые следует рассматривать не как архаичные, а как адекватные природным и социальным условиям; г) формируемые социальные общности – "не остаточное явление, а сознательный выбор места и образа жизни и социальной структуры для сохранения независимости" [17, с. 32], иначе говоря, мы имеем дело с осознанным выбором стратегии поведения.

Наконец, Зомия характеризуется отсутствием центр-периферийных отношений и сетевой организацией местных сообществ, поэтому здесь, как правило, не следует искать иерархии во внутренней структуре региона. Находящиеся в его пределах сообщества локализируются в пределах тех или иных природных ландшафтов или местностей.

И хотя сам Дж. Скотт неоднократно повторяет, что все приводимые им суждения относительно "Зомии" имеют отношение к историческому периоду, который завершается после Второй мировой войны, тем не менее, сам концепт Зомии остаётся вполне рабочим инструментом анализа.

Во-первых, не все представители общества готовы всецело подчинять поведение, в том числе и в сфере экономики, государственной регламентации. Неформальная экономика при определённых условиях может послужить источником формирования пространственных социально-экономических систем. С этой экономикой можно бороться, но в ходе исследования вполне возможно прийти к заключению, что это вовсе не абсолютное зло.

Во-вторых, существует ряд социальных феноменов (в том числе крестьянство), исследование которых, даже в качестве экономических агентов, не укладывается в рамки мейнстрима современной экономической науки, так как их поведение определяется не только экономическими факторами, но и культурными. Так как разные культуры формируют разные мировоззрения, предполагается множество вариантов восприятия реальности, из которых следует разная логика поведения.

В-третьих, именно "экономическая антропология продолжила заниматься экономическими явлениями в их социальной многогранности, то есть экономическим, неотделимым от социального, нормативного, религиозного и т. д." [3, с. 66]. Этот всесторонний культурный подход к изучению экономических явлений долго считался релевантным только в отношении не западных, развивающихся обществ, и лишь с 70-х гг. XX в. внимание экономических антропологов переключается с исследования традиционных обществ на современные.

Следовательно, "...существует не одна экономика, а несколько разных экономик" [7, с. 93]. То, что Зомия или точнее зомии – "другое общество", вряд ли требует доказательств. Но тогда следует признать: у этого общества другая экономика. И она требует применения и иного аналитического инструментария, не отрицая при этом тех инструментов традиционного экономического анализа, которые уместны и при исследовании экономик подобных экономике Зомии.

Пожалуйста, Леонид Ефимович, Вам слово.

Бляхер Л. Е.: Спасибо. Способом мыслить научно выступают теоретические модели реальности, построенные на основании более или менее жёстко заданной системы аксиом: только таким способом частный случай может стать закономерностью. Некогда сама система аксиом сложилась на основе более или менее всеобщей интуиции. Но сложившись, укоренилась в реальности, стала единственно возможным способом эту реальность помыслить [19]. Дальнейшее исследование обращено уже не на саму реальность, а на сложившуюся систему категорий, которая практически заслоняет реальность от взгляда исследователя, да и обывателя. Сложившийся во второй половине XIX столетия способ мыслить общество, в том числе его хозяйственную составляющую, сохраняется до настоящего времени [14].

Описания быта и хозяйства экзотических племён, возникшие в трудах этнографов, долгое время существовали обособленно от экономической теории: это были описания другой реальности. В рамках господствующих представлений эта (архаическая, примитивная) реальность и форма хозяйственной деятельности должна была перейти к "нормальным формам". Однако локальные и экзотические хозяйственные системы порой уничтожались вместе с их носителями, а их переход к нормальной экономике был крайне редким. Да и сама "ненормальность" оказалась распространена гораздо шире, чем представлялось первоначально: в трудах Э. де Сото и Г. Мюрдаля [16] описывались уже не экзотические африканские или полинезийские хозяйственные системы, но хозяйственные системы Латинской Америки. Для описания подобных систем рождается термин "неформальная экономика", очень неконкретный, по сути, им обозначали всё, что не вписывалось в экономический мейнстрим, но даже подобная фиксация значима, она свидетельствует, что в хозяйственной жизни накапливаются факты, которые не могут быть обозначены и исследованы в рамках господствующей теории. Первые исследования в этой области все же относили неформальную экономику (моральную эксполярную [8, с. 91–192]) к периферийным явлениям, которым противостоит основная, нормальная хозяйственная система, описываемая экономической наукой. Постепенно трактовка неформальности оказывается иной: в рамках неоинституционализма формальные институты становятся одним из частных случаев неформальности [12], сама возможность их существования зависит от того, в какую неформальную среду они погружены.

Потребность в новом языке описания, созданном не на основе европейской матрицы XIX столетия, ощущается всё более остро, особую роль приобретают субдисциплины с предикатом "экономическая" (экономическая социология, экономическая география и т. д.): они позволяют существенно расширить число теоретических моделей описания хозяйственных систем, позволяют в рамках научного знания обозначить и описать фактографию, ускользающую от взгляда экономиста. Особенно значимой в этом плане представляется экономическая антропология. Антропология радикально меняет исследовательскую позицию – точкой отсчёта становится деятельность человека и соразмерных ему институциональных систем. Здесь государство из сверхинститута превращается в одну из сторон взаимодействия, причём далеко не всегда определяющую.

Однако антропологические исследования достаточно редко "поднимаются" до обобщений [9]. Тем большую ценность приобретают работы, в которых это происходит. В число подобных входят исследования Джеймса Скотта 80-х – 90-х гг. XX в. По существу, описанный им мир "Зомии" выступает примером, лабораторией исследования общества, в том числе его хозяйственного уклада, протекающего без участия государства [22]. Первым и существенным отличием "модели" Скотта от "классических" описаний является отсутствие сверхинститута государства и шире, политической власти, детерминирующей протекание всех иных социально-экономических процессов на данной территории и в данном социуме. На их место выдвигается принцип эгалитаризма (хозяйственного и властного); конкуренция – один из базовых феноменов экономического описания, сменяется здесь на солидарность, подавляющее преимущество сотрудничества над конкуренцией. Меняется и характер рациональности: Скотт убедительно показывает, что поведение агентов исследуемого им безгосударственного социума есть не отсутствие рациональности, а рациональность. Бюрократическому (всеобщему, научному и т. д.) знанию, предполагающему выделенную когорту экспертов, противопоставляется "метис" – знание того, как делается дело в этом месте и в это время [21]. Это тоже экспертное знание. Но форма его существования и бытования иная. Достаточно много уделяет внимания Дж. Скотт и описанию форм противодействия такого общества попыткам внешних политических сил (с благами или с неблагоприятными целями) заставить Зомию жить по бюрократическим правилам [11]. Обозначаются и условия, при которых такое общество возможно, это относительная труднодоступность ландшафта: Зомия – страна горцев. Отсутствие особенных выгод для государства от контроля над данной территорией или наличие огромных затрат для такого контроля.

Последнее и представляется особенно значимым при описании социума и хозяйства Приамурья: удалённость от центра, слабо развитая транспортная система и относительная редкость населения приводят к тому, что реальный контроль государство осуществляет только в нескольких крупных городах региона. Остальная его часть остаётся за пределами статистики, да и за пределами описания. Более того, наличие такой, слабо контролируемой периферии, которая к тому же воспринимается в качестве "пустой" или "деградирующей", создаёт дополнительные возможности для ухода от государственного контроля и жителям крупных городов региона.

За советские годы сложилось два типа пространства применительно к нашему региону: *пустое пространство*, где ничего нет – нет знаков освоённости, которые мы можем считать. Это пространство традиционных типов хозяйственной деятельности: оленеводства, рыболовства и т. п. Мы можем под определённым углом говорить об этой экономике, но на деле не существует знаков, которые мы могли бы считывать. Затем *освоенное пространство*, то есть пространство, обладающее чётко выраженными индустриальными знаками, которые мы считываем как "освоение". Это завод, это город, это больница, это дом культуры. За постсоветские годы появился третий тип пространства – *брошенное пространство*; оно пустое потому, что оттуда ушли люди. Но насколько оно пустое – это дискуссионный вопрос: по корпусу интервью, которые мы собирали с 1996 г., это пространство необычайно высокой хозяйственной активности. Люди туда уходят, уклоняясь от налогов, от государственного участия и т. д. И так, в брошенном пространстве знаки освоенности исчезли или деградировали, но какая хозяйственная активность там происходит? Например, в брошенных деревнях возникают теневые фермы, как в Николаевском районе.

Ситуация начинает меняться в связи с "поворотом на Восток", с последними государственными активностями, реосвоением, когда мы опять создаём на опустевшей, брошенной, территории знаки, которые мы можем читать как "знаки освоения": заводы в Амурской области, создание ТОРов, строительство в Амурске гигантского комбината. В ходе экспедиции, проведённой летом 2019 г., мы встретили людей, которые вербализировали и реализовали момент, описанный Скоттом. Мы встретили этих людей в Хабаровском крае и Иркутской области; это вполне социально адаптированные люди, мы нашли усадьбы площадью до гектара, с большими посёлками. Появляется *моё пространство* как тип: пустое пространство, освоенное пространство, брошенное пространство "моим пространством" не является. "Моё пространство" – это способ освоения территории, причём это пространство защищено расстоянием, до ленских усадеб надо 6 часов на лодке добираться, а хабаровские поселения находятся на охраняемой территории, это заказник, то есть люди сознательно дистанцируются от этого мира – возникает новый тип освоения, который можно назвать криминалом, но, строго говоря, вся Зомия – криминал.

Попытка расширения официального дискурса на хозяйственную деятельность, которая развивалась в брошенном пространстве позволяет говорить о том, что концепции о "местном знании", метисе, и "теоретическом знании" могут быть использованы и здесь. Почему Дальний Восток, почему это специфично здесь? По очень простой причине: мы уже говорили об издержках контроля, можно говорить об издержках пространства, когда есть тип освоения, не свойственный территории, типу социального ландшафта. Не столько важно, что эти люди могут быть названы преступниками, сколько важно, что возникает новый социальный ландшафт. В данном случае модель Скотта, то есть рациональность, не вписывающаяся в рациональность модерна, вполне рациональна для нашего региона, причём по вполне банальной причине: завод в малонаселённой континентальной территории имеет весьма ограниченный экономический смысл. Из этой рациональности понятен бурный отток населения, который связан не с трудными экономическими условиями, не с плохой экологией и не с маленькой зарплатой и недостатком льгот, но с неправомерным использованием ландшафта.

Подобная (конечно, очень краткая) картина ландшафта Приамурья и, ещё больше, ландшафта остальных автономных частей административного образования "Дальний Восток" делает возможным распространение на исследование и описание местного сообщества и иных положений Дж. Скотта. Тер-

ритории Востока России последние века никак не могут быть обозначены в качестве безгосударственного образования. Однако функция государства как регулирующего и детерминирующего все и вся свержинститута, производящего бюрократический порядок [4], представляется достаточно сомнительной. Как и на любой периферии, государство здесь слабее, представляет собой не столько всеобъемлющую силу, сколько рыцарский замок, из которого временами отряды выезжают за данью и для приведения к покорности особо ретивых крестьян. Однако между походами крестьяне продолжают свою неторопливую и безгосударственную жизнь, построенную по неизвестным государству законам. И здесь работы Скотта позволяют эту жизнь понять, описать и, быть может, найти возможности согласовать её с самим фактом существования государства и экономики.

Рыжова Н. П.: Согласна с тем, что последние изменения в российской экономической политике, и прежде всего в отношении Дальнего Востока, требуют дополнительных инструментов, других языков описания. Если экономическая логика программ, проектов, институциональных инициатив, направленных на развитие региона, завуалирована или вовсе отсутствует, то полезны подходы, наработанные в антропологии или социологии и связанные с изучением дискурсов, ритуалов, процедур и т. п. Остаётся за кадром – автор провёл исследование и сделал вывод, что исследовательская оптика, предложенная Скоттом, "хорошо подходит" для объяснения его эмпирического материала? Или он берет теоретические идеи и пытается сформировать некую методологию и приложить её к эмпирике Дальнего Востока? Если автор пытается разработать некоторую методологию, то есть вначале адаптировать теоретические идеи, а потом их "приложить" к ещё не собранной этнографическими методами эмпирике, то это вдвойне смущает. Ведь антропологи всегда начинают с поля и в основном стремятся опровергнуть, изменить существовавшую до них дискуссию. Тогда должны бы появиться такие заявления, как "в отличие от Дж. Скотта, мы...". На то, что автор пошёл именно по этому пути и пытается обосновать методологию, указывает не только начало текста, но и отсылки к трём разным работам Скотта ("Благими намерениями...", "Сопротивление слабых" и "Зомия").

Бляхер Л. Е.: Весь пафос моего выступления сводился к тому, что сходные по структурным параметрам, а отнюдь не по природным, не по климату и так далее, сходные с Зомией пограничные условия возникают в Северной Евразии, в границах Дальнего Востока. Это традиционные хозяйства, неформальная экономика, которая сложилась в 90-е гг., которая параллельно существовала как экономика самообеспечения в советский период. Существует некая структурная специфика, связанная с пространственной организацией, с плотностью населения, со спецификой взаимодействия с государством, с плотностью государственного контроля и т. д. и т. п., которая определяет некоторый тип хозяйствования. Как я пытался сказать, описанные Скоттом структурные характеристики могут быть выделены и описаны применительно к Дальнему Востоку, и в результате такой операции мы получаем картинку, которая позволяет включить некую иную оптику по сравнению с классической.

Демьяненко А. Н.: Скотт делает упор на принципиальный отказ людей от государственного контроля, формирование ими самоорганизующихся систем, которые действительно не являются натуральными, они взаимодействуют с равнинными государствами. Итак, дело в принципиальном отказе от государственного контроля.

Минакир П. А.: Если весь пафос заключается в том, что мы обсуждаем некие общества, сознательно локализующиеся вне зоны госконтроля – это одно. Если мы говорим о том, о чём на самом деле говорит вся каноническая экономическая антропология, о наличии таких сообществ, экономика которых локализована по отношению к товарной мейстримной экономике, то что ближе нам? Мы говорим о феномене антигосударственности или о феномене экономики антиэкономоретической?

Бляхер Л. Е.: Пафос Скотта всё-таки не экономический, он не говорит, что это экономика иная качественно. Он говорит, что существует свержинститут, легитимирующий все иные институты, но существуют общества, которые этого не хотят. Антропологический подход заключается не в выявлении количества занятых определённым образом, а в выявлении самих практик, спосо-

бов действия. Такой подход может быть использован как средство компренциации статистических данных, когда известно, что данная система действия проявляется таким-то образом, а если не проявляется, значит, она не существует.

Минакир П. А.: Каноническая теория, описывая т. н. общий массив экономической жизни, отвлекаясь от особенностей, обнаруживает некую абстрактную общность, абстрактные магистрали движения экономики, то экономическая антропология занимается особенностями, которые сознательно не рассматриваются мейнстримом, потому что они настолько малы, что не могут возмущать общую магистраль. Но вместе с тем они существуют, и, поскольку в мире всё взаимосвязано, совершенно неслучайно остатки этого архаичного, с точки зрения мейнстрима архаичного, хозяйства, социальной организации и т. д. тем не менее рассматриваются где-то как атавизм в традиционных обществах, в традиционных экономиках, а где-то, может быть, и проникают из этих особенностей в ткань экономики мейнстрима. Эти влияния, пусть они незначительны по объёму, но они очевидны, во всяком случае, с точки зрения функционирования самого мейнстрима и с точки зрения функционирования экономики как отношения людей, модифицируют эти отношения, пусть в какой-то небольшой части. В чём я здесь усматриваю смысл: мейнстримом до недавнего времени являлась т. н. глобализация, а глобализация предусматривает, что по всем этим особенностям, частностям должен каток пройти и от них ничего не должно было остаться с теоретической точки зрения. Вот эти устойчивые особенности, восстанавливающие связи, которые то ли противостоят, то ли ограничивают, то ли модифицируют тенденции самого глобализма. С этой точки зрения тут надо копать дальше.

Демьяненко А. Н.: Спасибо, коллеги, приступим к следующему докладу.

Барбенко Я. А.: Спасибо, Александр Николаевич. Начну с методологического момента: определимся с характеристиками объекта исследования, которые для нас имеют значение. В качестве исходной точки возьму подход Т. Шанина, очень близкого в своей интерпретации к взглядам Скотта. Так Шанин определяет крестьян как "мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти" [8, с. 11]; он уточняет эти положения следующими чертами: семейное хозяйство, хозяйствование на земле, деревенская культура и низшее положение в системах социального господства [8, с. 11]. Именно последний пункт о низшем положении крестьян имеет прямое отношение к интерпретации Скотта; в цитируемых ниже его текстах 70-х и 80-х гг. об этом напрямую не говорится, однако позднейшие работы ("Благими намерениями государства", 1998 и "Искусство быть неподвластным", 2009) исходят именно из такого положения.

Скотт формулирует следующее определение "оружия слабых" как стратегии крестьянского поведения: "любое действие члена класса, которое предназначено либо для смягчения, либо для отклонения требований (ренды, налогов, почтения), предъявленных этому классу вышестоящими классами (арендодателями, государством, владельцами машин, ростовщиками) или для выдвижения собственных требований (на работу, землю, благотворительность, уважение) по отношению к этим высшим классам" [20, р. 36], и далее: "такое сопротивление фактически всегда является уловкой, используемой более слабой стороной, чтобы пресечь требования институционального или классового противника, который доминирует в публичном осуществлении власти" [20, р. 52] (перевод мой). Кроме того, автор указывает на такие формы доминирования над крестьянами, как материальное господство (способность изъятия материальных средств), отрицание статуса (посягательства на достоинство), идеологическое господство (способность оправдать господствующий статус) [20, р. 55–56].

Ещё одной значимой характеристикой крестьянства является "моральная экономика", такой способ ведения хозяйства и вообще способ организации общественной жизни, который гарантирует выживание, в том числе путём отказа от хозяйственного риска [8, с. 29–31], что делает неэффективным

традиционный экономический анализ деятельности крестьян, построенный на идее предпринимательского интереса. Сам Скотт прямо включает русское крестьянство в культуру "этики выживания" [8, с. 29], что в общем не вызывает возражений. Содержание этики выживания: а) уровень потребления как точка отсчёта любых хозяйственных действий; б) принятие инноваций при гарантии сохранения уровня потребления; в) использование внешних источников как средства против голода; г) моральная солидарность на фоне опасности голода (масштабируется от селения до государства) [8, с. 30–32].

Сведём все указанные черты крестьянства в одну схему: 1) "*оружие слабых*": а) низшее положение в обществе; б) источник материальных средств для элиты; в) ущемление в правах; 2) "*моральная экономика*": а) избегание голода как философия хозяйства; б) отрицание хозяйственного риска; в) моральная солидарность как философия общественной жизни.

Особенности жизни дореволюционного дальневосточного крестьянства делали из него самобытный субъект и влияли на его внутренние характеристики. Эти особые условия могут быть сформулированы так: а) военно-политический характер колонизации Приамурья; б) многоземелье и отсутствующий на практике контроль за распределением угодий; в) присутствие в крае не просто инокультурного, но иноцивилизационного населения с особым отношением к жизни, что вело к невозможности его прямого (или даже косвенного, но эффективного) контроля со стороны государственной власти. Какие следствия это имело для приамурского крестьянства? Обобщённо: формируется крестьянство, по некоторым своим функциям близкое функциям казачества. Это функция политическая, которая в первую очередь связана с обеспечением контроля над территорией: только те территории государственная власть могла считать подконтрольными, которые занимало русское крестьянство (казачество и военные в смысле контролируемой площади не могут сравниться с крестьянством). Территории, контролируемые аборигенами, находились в "серой зоне", а территории, контролируемые китайцами, вообще могли оказаться под символическим суверенитетом цинской администрации.

Что же представляло собой приамурское крестьянство, какими оно обладало чертами, отличающими его от крестьянства более западных районов страны, особенно от крестьян её европейской части, мест выхода переселенцев (на контрасте с образом крестьянства, рисуемым Дж. Скоттом в его теории крестьянства)? Во-первых, дальневосточное крестьянство не было беднейшим слоем населения региона (были манзы, пришлые корейцы, аборигены). Во-вторых, дальневосточное крестьянство не было бесправнейшим слоем населения региона (Переселенческое управление очень заботилось и следило за обеспечением прав переселенцев; право бесплатного пользования государственной землёй было, вероятно, монополией крестьянства). В-третьих, дальневосточное крестьянство не было многочисленнейшим слоем населения региона, крестьян (даже среди русского населения) было мало, их ценили выше, чем в более западных регионах. В-четвёртых, дальневосточное крестьянство было опорой русского присутствия в регионе вместе с казачеством, армией и флотом.

Определяя отношение дореволюционного дальневосточного крестьянства к критерию "оружие слабых", можно указать на то, что практически все группы крестьян-переселенцев (старожилы, новосёлы, русскоподданные корейцы) к политически слабым отнесены быть не могут, как было отмечено выше; разве что старообрядцы подвергались некоторым ущемлениям.

Однако дальневосточное крестьянство есть часть крестьянского мира России, культура которого обладала чертами, выделенными Скоттом. К таким традиционным чертам, которые дальневосточное крестьянство сохранило, можно отнести "моральную экономику". По критерию моральной экономики можно отметить почти полное совпадение характеристик приамурского крестьянства с его содержанием. Так, на начальных этапах крестьянской колонизации, в 60-е и 70-е гг. XIX в., крестьяне испытывали голодовки и активно обращались к администрации за материальной помощью; с 90-х гг. XIX в. войска закупала зерно у местных крестьян, но при этом важно помнить, что для армии эта история была в чём-то отягощающая, поскольку местное зерно было худшего качества, зато для крестьян-продавцов это была возможность развития. Получается, что снабжение войск из местных ресурсов было соци-

альной функцией государства в отношении населения. Наконец, отношение к хозяйственному риску у православных крестьян было, по крайней мере, по сравнению со старообрядцами, отрицательным, чему имеются примеры [1].

Что касается оружия слабых как крестьянской позиции в отношении государства, то она в практике дальневосточных крестьян есть следствие а) политики нормализации (относительно других регионов страны) жизни на Дальнем Востоке, осуществлявшейся в советское время и б) универсализации системы управления ещё с начала XX в. в Российской империи: уже с рубежа XIX и XX вв. Приамурье становится всё более интегрированной и всё менее экзотичной страной. Это хорошо видно на примере развития переселенческого законодательства, специализированного в середине XIX и относительно стандартизированного уже в начале XX в. [2, с. 13–14]. Но до революции почва для нормализации крестьянства, как кажется, только готовилась. Революция в жизни крестьянства произошла в 20-е гг., когда всеэмансипирующие советская власть и партия большевиков перестали ценить крестьян вообще, большая часть которых становится классовым врагом нового государства. Таким образом, в 20-е гг. и далее потенции изменения, заложенные ещё в дореволюционное время, реализовывались в гипертрофированной форме.

Чем труднее и неопределённее было присутствие русских в регионе, тем выше и специфичнее для крестьянского сословия в России было положение дальневосточного крестьянства. По мере развития региона главная функция крестьянства ослабевала, что вело к падению статуса дальневосточного крестьянства, выразившись в явной форме в раннее советское время. Таким образом, можно отметить, что *политический статус крестьян-переселенцев компенсировал особенности традиционного для крестьянства экономического поведения*: переселенцы целыми семьями пускались в трансконтинентальное или океаническое путешествие на другой конец света, рассчитывая на существенное изменение уровня жизни, которое было функцией их привилегированного статуса. Центральное же правительство и местная администрация получали возможность использования крестьян как средства проведения государственной политики в Приамурье.

Журавская Т. Н.: Вы указываете на особенности жизни крестьян на Дальнем Востоке, которые повлияли на его самобытность и внутренние характеристики. Однако не очень понятно, от кого (от какой группы? сообщества?) Вы выстраиваете описание это самобытности – от западного крестьянства или модели, предложенной Дж. Скоттом? Или Вы предполагаете, что крестьянство, проживающее в западной части России, и есть то самое, модельное крестьянство, описанное Скоттом?

Демьяненко А. Н.: И то, что касается моральной экономики по Скотту – это касается горцев или касается равнинных крестьян?

Барбенко Я. А.: Познавательный аппарат, который я использую, относится к трудам до "Зомии", поэтому, возможно, речь идёт о равнинных крестьянах, хотя автор не делал тогда акцента, говоря о крестьянах вообще. Сопоставление концепций "моральной экономики" и "оружия слабых" позволяет нам однозначно зафиксировать особенности дальневосточного крестьянства и на фоне русского крестьянства, и на фоне теории: Скотт провоцирует нас к тому, чтобы увидеть дальневосточное крестьянство в таком ракурсе: не угнетаемое большинство, а привилегированное меньшинство.

Минакир П. А.: То есть Скотт подразумевает под крестьянством одно сочетание признаков, мы смотрим на определённый исторический период в конкретной обстановке и видим другое сочетание признаков? Нормально – Скотт ведь не изучал Дальний Восток.

Барбенко Я. А.: Да, но во всех случаях мы говорим "крестьянство", в нашем же случае, дальневосточном, мы имеем "крестьянство+".

Минакир П. А.: Вся история это описание особенностей. Нас интересуют тренды, некие общие закономерности, они или есть, или их нет, или мы их не понимаем.

Барбенко Я. А.: Если бы не государство и его усилия по привлечению и транспортировке населения, гражданские жители до Дальнего Востока практически не добирались бы. Большая часть переселенцев оседала на Урале и в Западной Сибири, ни один нормальный крестьянин, руководствующийся своей крестьянской рациональностью, в такое мероприятие ни себя, ни своё

хозяйство не вверх бы. Отсюда вывод: особый политический статус крестьянства, те самые льготы, которые были предоставлены крестьянам-переселенцам, компенсировали особенности экономического поведения данного актора. Крестьяне не были "слабыми" в категориях Скотта, они были "сильными", и это как бы перечёркивало сознание "моральной экономики" и переносило их на Дальний Восток. Многие хозяйства разорялись, что подтверждало минусы переселения.

Минакир П. А.: Для того, чтобы прийти к такому выводу, можно опереться на более близкие к нам ситуации с той же самой мотивационной платформой: индустриальное переселение на Дальний Восток, когда нужно было строить заводы, нужно было добывать ресурсы – не было рабочих рук, не было населения. Оставим в стороне ГУЛАГ, ведь было переселение, которое происходило не только в 30-е гг. и не только в первые послевоенные годы, но и в 70-е гг., в первой половине 80-х; оно ведь почему происходило? Оно происходило благодаря тому, что государство вело целенаправленную политику, предоставляя ту самую силу переселенцам в виде различных льгот, особых условий.

Пока что мы говорим о частных случаях и не можем методологически свести даже два направления переселения: аграрное и индустриальное. Да, Скотт показывает, каким образом происходит самоорганизация общества, но общества или групп внутри общества? Если мы, говоря об обществе, берём одну группу, да ещё и локализованную в совершенно особых условиях, мы должны иметь возможность распространить её частный опыт организации и распространить на общество в целом – пока для нас это проблема. Мы избрали тематику нашего разговора как некое обоснование методологии экономического анализа, а методология предусматривает некие канонические основы процесса, но их пока нет, мы остаёмся в состоянии неведения. И это при обилии упоминаний термина "экономическая антропология" в экономической науке и при востребованности этой тематики и в отечественной, и ещё более в зарубежной науке.

Демьяненко А. Н.: Пока мы находимся в состоянии тотального описания.

Завершая наше обсуждение достаточно экзотичной темы, хочу привести две цитаты, первая из Н. Флигстина: "Большинство экономистов игнорирует или попросту не знают о том, как не экономисты размышляют об экономических процессах" [18, с. 31]. Добавим от себя: и тому есть причины, в том числе и те, которые связаны с дисциплинарными границами. Вторая из П. Бурдьё: "У каждой дисциплины есть своя область "само собой разумеющегося", свои очевидности, и точно так же, как могут навести на мысль контакты разных цивилизаций ..., очень интересны и контакты разных дисциплин, иногда даже в их варваризмах, поскольку они заставляют поставить под вопрос неявные послышки, которые, в конечном счете, забываешь в силу общего размытого консенсуса ..." [7, с. 97].

Надеюсь, что, несмотря на неизбежные "варваризмы", контакт представителей разных дисциплин был небесполезен для участников семинара.

Литература

1. Барбенко Я. А. Подход к изучению информационного освоения региона (на опыте крестьян-переселенцев на Дальний Восток) // Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием (27–28 октября 2017). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2017. С. 28–32.
2. Барбенко Я. А. Динамика переселенческого законодательства в Приамурском крае во второй половине XIX в. // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 6–18. DOI: 10.24866/2542-1611/2018-4/6-18
3. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара; Изд-во "Междунар. отн."; Фак-т свободных наук и искусств СПбГУ, 2016. 464 с.
4. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.

5. Бляхер Л. Е. Быть неподвластным: феномен самоорганизации Приамурского крестьянства в конце XIX – начале XX вв. // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 5–16. DOI: 10.14530/reg.2017.6
6. Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Зомия на Амуре, или государственный порядок вне государства // Политика. 2018. № 1. С. 148–171. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-148-171
7. Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). М.: Изд. дом. Дело, 2019. 407 с.
8. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Изд. группа "Прогресс"–"Прогресс-Академия", 1992. 432 с.
9. Гириц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 2. С. 54–61.
10. Демьяненко А. Н. Местное самоуправление на Дальнем Востоке: опыт 20-х годов // Известия Русского географического общества. 1992. Т. 124. Вып. 1. С. 91–98.
11. Никулин А. Искусство господства и сопротивления в концепции Джеймса Скотта // Отечественные записки. 2003, № 3. С. 36–51.
12. Норт Д. К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.
13. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2014. 311 с.
14. Поппер К. Миф концептуального каркаса // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 134–156.
15. Семинар 1. Обсуждение монографии: Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Нью-Хэвн; Лондон, 1976 // Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке. М.: РОССПЭН, 2015. 742 с. С. 29–45.
16. Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
17. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластными: Анархическая история высокогорной Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 568 с.
18. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.
19. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 310 p.
20. Scott J. C. Everyday Forms Of Resistance // The Copenhagen journal of Asian studies. No. 4, 1989. P. 33–62.
21. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. 432 p.
22. Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Barbenko Ya. A. Podkhod k izucheniyu informatsionnogo osvoiniya regiona (na opyte krest'yan-pereselentsev na Dal'nij Vostok) // Ehtnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke: Mat-ly Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem (27–28 oktyabrya 2017). Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2017. S. 28–32.
2. Barbenko Ya. A. Dinamika pereselencheskogo zakonodatel'stva v Priamurskom krae vo vtoroj polovine XIX v. // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 4. S. 6–18. DOI: 10.24866/2542-1611/2018-4/6-18
3. Byogel'sdejk Sh., Maseland R. Kul'tura v ehkonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti. M.; SPb.: Izd-vo In-ta Gajdara; Izd-vo "Mezhdunar. otn."; Fak-t svobodnykh nauk i iskustv SPbGU, 2016. 464 s.
4. Blyakher L. E. Iskusstvo neupravlyaemoj zhizni. Dal'nij Vostok. M.: Evropa, 2014. 208 s.
5. Blyakher L. E. Byt' nepodvlastnym: fenomen samoorganizatsii Priamurskogo krest'yanstva v kontse XIX – nachale XX vv. // Regionalistika. 2017. Т. 4. № 6. S. 5–16. DOI: 10.14530/reg.2017.6
6. Blyakher L. E., Blyakher M. L. Zomiyana na Amure, ili gosudarstvennyj porjadok vne gosudarstva // Politika. 2018. № 1. S. 148–171. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-148-171
7. Burd'e P. Ehkonomicheskaya antropologiya: kurs lektsij v Kollezh de Frans (1992–1993). M.: Izd. dom. Delo, 2019. 407 s.
8. Velikij neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire. M.: Izd. gruppa "Progress"–"Progress-Akademiya", 1992. 432 s.
9. Girts K. Bazarnaya ehkonomika: informatsiya i poisk v krest'yanskom marketinge // Ehkonomicheskaya sotsiologiya. 2009. Т. 10, № 2. S. 54–61.

10. Dem'yanenko A. N. Mestnoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke: opyt 20-kh godov // Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva. 1992. T. 124. Vyp. 1. S. 91–98.
11. Nikulin A. Iskusstvo gospodstva i soprotivleniya v kontseptsii Dzhejmса Skotta // Otechestvennye zapiski. 2003, № 3. S. 36–51.
12. Nort D. K., Uollis Dzh., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
13. Polan'i K. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ehkonomicheskie istoki nashego vremeni. SPb.: Aleteiya, 2014. 311 s.
14. Popper K. Mif kontseptual'nogo karkasa // Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. M.: Progress, 1983. С. 134–156.
15. Seminar 1. Obsuzhdenie monografii: Skott Dzh. Moral'naya ehkonomika krest'yanstva. N'yu-KHehvn; London, 1976 // Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya v KHKH veke. M.: ROSSPEHN, 2015. 742 s. S. 29–45.
16. Soto Eh. de. Inoj put': Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire / Per. s angl. B. Pin-skera. M.: Catallaxy, 1995. 320 s.
17. Skott Dzh. S. Iskusstvo byt' nepodvlastnymi: Anarkhicheskaya istoriya vysokogornoj Yugo-Vostochnoj Azii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2017. 568 s.
18. Fligstin N. Arkhitektura rynkov: ehkonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshhestv XXI veka. M.: Izd. dom Vysshей shkoly ehkonomiki, 2013. 392 s.
19. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 310 p.
20. Scott J. C. Everyday Forms Of Resistance // The Copenhagen journal of Asian studies. No. 4, 1989. P. 33–62.
21. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. 432 p.
22. Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

Бляхер Л. Е., Барбенко Я. А., Демьяненко А. Н., Журавская Т. Н., Минакир П. А., Рыжова Н. П. Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия.

Blyakher L. E., Barbenko Ya. A., Demyanenko A. N., Zhuravskaia T. N., Minakir P. A., Ryzhova N. P. Anthropology and economics: possible areas of cooperation.

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Барбенко Я. А., Демьяненко А. Н., Журавская Т. Н., Минакир П. А., Рыжова Н. П. Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 20–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/20-30

For citation: Blyakher L. E., Barbenko Ya. A., Demyanenko A. N., Zhuravskaia T. N., Minakir P. A., Ryzhova N. P. Anthropology and economics: possible areas of cooperation // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 20–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/20-30

